

ТЕОРИЯ РЕВОЛЮЦИИ: К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ, СИСТЕМАТИЗАЦИИ И СОВРЕМЕННОМУ СОСТОЯНИЮ

Э.Э. ШУЛЬЦ

В статье дается обзор истории изучения «теории революции», дается анализ современного состояния исследований и исследованности проблематики. Статья рассматривает авторов XIX в., Маркса и марксизм, социологию революции П. Сорокина, развитие «теории революции» в XX в. В статье разбираются принципы систематизации, где особое внимание уделяется принципу «четырёх поколений» Джека Голдстоуна. В отличие от традиционного подхода начинать эту историю с 30-х гг. XX в., автор датирует начало этого нового направления столетием ранее и вводит в оборот работы по «теории революции» Томаса Бэйли (1830), Георга Йимана (1861) и Джозефа Кларка (1862). Автор рассматривает «волны» интереса к проблематике в 30-70-е гг. XIX в., начале XX в., 20-30-х, 60-80-х, 90-х гг. XX в. и начала XXI в.

Ключевые слова: теория революции, социология революции, концепция 4-х поколений, П. Сорокин, Л. Эдвардс, К. Бринтон, С. Хантингтон, Т. Скокпол, Д. Голдстоун.

Традиционно представление о зарождении «теории революции» связывается с исследованием Лайфорда Эдвардса «Естественная история революции» (1927 г.), за которым следуют труды Крэйна Бринтона и Джорджа Петти (1938 г.)¹. К этой плеяде относятся и «Социология революции» (1925 г.) Питирима Сорокина². Труды Эдвардса, Бринтона и Петти представляются в историографии как «первая волна» исследователей теории революции - подход, который с 60-х гг. XX в. переходит из работы в работу, однако такой подход не совсем корректен. За столетие до Сорокина, Эдвардса, Петти и Бринтона в свет вышли несколько небольших работ, направленных на выявление и изучение общих черт и условий всех революций и на создание теории революции.

В 1830 г. увидела свет небольшая брошюра Томаса Бэйли «Размышления о причинах политических революций», которая стала первым отдельным трудом, в котором автор поставил своей задачей создать теорию революции³. В 1861-62 гг. выходят еще две работы, направленные на общую теорию революций: лекция о революциях Г. Йимана (1861) и «История и теория революций» (1862) Джозефа Кларка⁴. Если к этому добавить еще работы К. Маркса и Ф. Энгельса «Манифест коммунистической партии» (1848), отдельные работы Маркса: «Классовая борьба во Франции» (1850), «18 брюмера Луи Бонапарта» (1852), «Гражданская война во Франции» (1871), и Энгельса – «Революция и контрреволюция в Германии» (1852)⁵, – то получаем за сорокалетний период достаточно большой объем работ, посвященных теории революции (для середины XIX в. десяток книг по одной теме за 40 лет – это очень высокий показатель). Таким образом, в период между двумя французскими революциями – революцией 1830 г. и Парижской Коммуной 1871 г. наблюдается первая настоящая «волна» специального интереса к проблематике (а не отдельной национальной революции)⁶.

¹Brinton C. The Anatomy of Revolution. N.Y., 1938; Edwards L.P. The Natural History of Revolution. Chicago, 1927; Pettee G.S. The Process of Revolution. N.Y., 1938.

² Sorokin P.A. The Sociology of Revolution. J.B. Lippincott, 1925.

³ Bailey T. A Discourse on the Causes of Political Revolutions. London, 1830. P. 3.

⁴ Clark J. The History and Theory of Revolutions. From the Princeton Review for April 1862. Philadelphia, 1862; Yeaman G.H. Revolutions. A Lecture. Louisville, 1861.

⁵ Маркс К. 18 брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-ое. Т. 8. М., 1957. С. 115-217; Маркс К. Гражданская война во Франции. Воззвание генерального Совета Международного Товарищества рабочих // Там же. Т. 17. М., 1960. С. 317-370; Маркс К. Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г. // Там же. Т. 7. М., 1956. С. 5-110; Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Там же. Т. 4. М., 1955. С. 419-459; Энгельс Ф. Революция и контрреволюция в Германии // Там же. Т. 8. М., 1957. С. 3-113.

⁶ См.: Шульц Э.Э. Теория революции Маркса в контексте общественной мысли XIX в. в Европе // Вопросы управления. 2014. № 1. С. 32-42.

Для исследования «теории революции», как это уже в 1830 г. назвал Т. Бэйли, он призывал «погрузиться» в революции 1640 и 1688 гг. в Англии, 1780 г. в Америке, 1789 и 1830 гг. во Франции и выделить общие черты. Несмотря на то, что сам автор более декларировал задачу, нежели пытался ее решить, именно Т. Бэйли мы обязаны названием и главным принципом нового направления исследований⁷.

У Д. Кларка встречаем уже полноценное концептуальное ядро теории революции. Кларк в работе 1862 г. начинает свои рассуждения постановкой вопросов «что такое революция?», «каково ее определение?», «что является ее теорией?», «что было ее историей?» и ряд других⁸.

С середины XIX в. стал оформляться теоретический подход к анализу революций, которому суждено было превратиться в XX в. в целую школу или направление в исследовании теории революции под названием «марксистский подход». В основу этого направления легли идеи, высказанные о революциях в ряде работ немецкими общественными деятелями Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом. Полноценной теории революции у классиков марксизма не было, существовали только разрозненные, хоть и многочисленные, высказывания по поводу различных революций и теории предстоящей пролетарской революции, которые с конца XIX в. марксисты начали систематизировать в полноценную теорию⁹.

Следующий такой всплеск интереса к теории революции проявился в начале XX в., в котором самыми яркими работами стали статьи Ленина «Маевка революционного пролетариата» (1913) и «Крах II Интернационала» (1915), «Государство и революция» (1917)¹⁰. И только следующая «волна» интереса к разработке темы пришлась уже на сер. 20–30-х гг. XX в. и связана с упомянутыми именами Сорокина, Эдвардса, Петти и Бринтона.

Конец 50-х – начало 60-х гг. XX века дали новую волну интереса к революциям. СССР, вопреки прогнозам, не только не потерпел крах, но и вышел из второй мировой войны сверхдержавой, Восточная Европа превратилась в «социалистический лагерь», народно-демократические революции, провозглашенные социалистическими, произошли в Китае и на Кубе. Эта волна захлестнула все 60-е и 70-е и подарила «О революции» Ханни Арендт (1963), «Революция и социальная система» Чалмерса Джонсона (1964), «Политический порядок в меняющихся обществах» Самуэля Хантингтона (1968), «Революция» и «Изучение революции» Питера Калверта (1970), «Почему люди бунтуют?» Тэда Гарра (1970), «Аутопсия революции» Жака Эллюля (1971), «Современные революции» Джонна Данна (1972), «Стратегия политической революции» Мостафы Реджаи (1973), «Феномен революции» Марка Хэгопиана (1975), «Революция и преобразование обществ» Шмуэля Эйзенштадта (1978), «Государства и социальные революции» Тэды Скокпол (1979) и многие другие.

Пожалуй, это была самая мощная волна интереса к революциям и создания системного научного подхода к этому социальному явлению, которая продолжала питать энтузиазм исследователей, потихоньку затухая в 80-е гг. Новый взрыв интереса возник вместе с «революциями» конца 80-х – начала 90-х гг. в Восточной Европе, вызвав к жизни новые размышления и дискуссии о феномене революции в истории человечества¹¹. После 2004 года этот интерес был подогрет новыми событиями и данными для анализа т.н. «цветных революций» в ряде государств постсоветского пространства и т.н. «араб-

⁷ Bailey T. Op. cit. 1830.

⁸ Clark J. Op. cit. P. 5.

⁹ См.: Шульц Э.Э. Теория революции: Маркс и марксизм // Приволжский научный вестник. 2014. № 2 (30). С. 188-194.

¹⁰ Ленин В.И. Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 33. М., 1969. С. 1-120; Он же. Крах II Интернационала // Там же. Т. 26. М., 1969. С. 209-265; Он же. Маевка революционного пролетариата // Там же. Т. 23. М., 1973. С. 296-305.

¹¹ Dahrendorf R. Reflections on the Revolution in Europe. N.Y., 1990; Goldstone J.A. Revolution and rebellion in the early modern world. Berkeley, 1991; Kimmel M.S. Revolution. A sociological Interpretation. Philadelphia, 1990; Mayer A.J. The Furies. Violence and Terror in the French and Russian Revolutions. Princeton, New Jersey, 2000; Parker N. Revolutions and History. Blackwell, 1999; Revolutions of the Late Twentieth Century. Westview, 1991; Rice E.E. Revolution and counter-revolution. Blackwell, 1991; Sanderson S.K. Revolutions: a worldwide introduction to political and social change. Studies in comparative social sciences. Paradigm Publishers, 2005; Skocpol T., Trimberger E.K. Revolutions and the World-historical Development of Capitalism // T. Skocpol. Social Revolutions in the Modern World. Cambridge University Press, 1994; Theorizing Revolutions. New York, 1997; Vogler R. Reading the Riot Act: The Magistracy, the Police, and the Army in Civil Disorder. Open University Press, 1991.

ской весны», что, естественно, вызовет к жизни новые обобщающие работы.

Любая систематизация историографии достаточно условна и схематична, однако необходима. Самый простой подход – «дуализм». Например, рассматривать, как это было принято в социалистических странах и имело влияние на всю историографию, «марксистский» и «немарксистский» подход¹². Один из современных исследователей революций Микаэль Киммель делит подходы на «структурные» и «неструктурные», где к «структурным», большей частью, относит Маркса и марксистскую традицию, плюс ряд близких авторов, а к «неструктурным» – различные теории, выбирающие приоритетным какое-то одно направление¹³. Достаточно спорное деление, так как структурность Маркса и марксизма в теории революции со многих точек зрения иллюзорна¹⁴, но важно то, что мы снова возвращаемся к дуализму.

Самый распространенный на сегодняшний день подход к систематизации историографии был предложен американским политологом Джеком Голдстоуном. Эта классификация, безусловно, не единственная и появилась не на пустом месте, соединив и переработав уже существующие среди исследователей¹⁵, однако является самой влиятельной. Эта систематизация основывается на так называемых поколениях исследователей теории революции и получила распространение и развивалась самостоятельно многими авторами. Деление этих поколений происходит не только по временному принципу, но и исходя из неких методологических принципов, которые приписываются авторам. В связи с таким делением некоторые предшественники поколения 60-х попали в группу 20-30-х годов, а П. Сорокина отнесли ко второму поколению. Так, первое поколение связывается с историческим подходом и философски-исторической интерпретацией. Второе – с модернизационной теорией и структурно-функциональным анализом. Третье поколение, по мнению разработчиков этого подхода, отличает государственно-центричные модели¹⁶.

Первое поколение, с точки зрения адептов этой концепции, относится к 1920-30-м гг. – «поколение естественной истории революции» (по названию работы Эдвардса «The Natural History of Revolution»), к которому отнесли Эдвардса, Бринтона и Петти. Ко второму поколению Джек Голдстоун причислил Тэда Гарра, Чалмерса Джонсона, Самуэля Хантингтона, Чарльза Тилли («От мобилизации к революции» (1978)). К третьему поколению – Гарри Экштейна («Этиология внутренней войны» (1965), Энтони Обершля («Растущие экспектации и политический беспорядок» (1969), Эдварда Муллера («Применимость теории возможности к анализу политического насилия» (1972), Барбару Салерт («Революции и революционеры» (1976), Теду Скокпол (Скокпол, Скокпол, Скокпол в русских переводах и транслитерациях)¹⁷. Работу Скокпол Д. Голдстоун назвал «венцом третьего поколения»¹⁸.

В 90-е гг. Джек Голдстоун заявил, что «третье поколение теорий революции сходит со сцены»: «ни одной общепризнанной теории четвертого поколения еще не создано, но контуры такой теории ясны»¹⁹. В качестве задач этого четвертого поколения Голдстоун предложил пересмотреть все ключевые допущения Скокпол. «Стабильность режима в ней будет рассматриваться как неочевидное состояние и существенное внимание будет уделено условиям существования режимов в течение длительного времени; важное место займут вопросы идентичности и идеологии, связей и лидерства; революционные процессы и последствия будут рассматриваться как итог взаимодействия многочисленных сил. Что еще более важно, не исключено, что в теориях четвертого поколения будут сочетаться результаты ситуационных исследований, модели рационального выбора и анализ ко-

¹² Напр.: Красин Ю.А. Революцией устранные. Критический очерк буржуазных концепций социальной революции. М., 1975.

¹³ Kimmel M.S. Op. cit. P. 217.

¹⁴ См.: Шульц Э.Э. Теория революции: Маркс и марксизм. С. 188-194.

¹⁵ См.: Johnson C. Revolutionary Change. Stanford University Press, 1982. P. 170, 176.

¹⁶ Goldstone J.A. The Comparative and Historical Study of Revolutions // Annual Review of Sociology. 1982. Vol. 8. P. 187-207. См.: The Blackwell Encyclopedia of Sociology. Blackwell Publishing, 2007. P. 3917-3918; Фисун А.А. Политическая экономия «цветных» революций: неопатримониальная интерпретация // Прогнозис. 2006. № 3 (7). С. 213-214.

¹⁷ Голдстоун Д. К теории революции четвертого поколения // Логос. 2006. 5 (56). С. 58-103; Goldstone J. Theories of Revolution: The Third Generation // World Politics (Princeton). 1980. Vol. 32. № 3. P. 425-453; Goldstone J. Towards a Fourth Generation of Revolutionary Theory // Annual Review of Political Science. 2001. Vol. 4. P. 139-187. См. также: Foran J. Taking Power. On the Origins of Third World Revolutions. Cambridge, 2005. P. 8.

¹⁸ Голдстоун Д. К теории революции... С. 59.

¹⁹ Там же. С. 99.

личественных данных, а обобщение этих теорий позволит охватить такие ситуации и события, о которых даже не упоминалось в теориях революции прошлых поколений»²⁰.

Однако обращает на себя внимание, что, в общем, послание «новому поколению» не содержит ничего принципиально нового. Критика первого поколения сторонниками 4-го поколения (и этой систематизации) строится на том, что они очень мало описывали процесс революции и не объясняли, почему революции случаются. Заслуга объяснения, почему вспыхивают революции, приписывается второму поколению, возникшему среди американских социальных исследователей в 1960-х гг. «Четвертое поколение» позиционирует себя таким образом, что в отличие от всех предыдущих оно предлагает новые подходы, акцентируя внимание на политической культуре, действии и роли персоналий, коалициях таких категорий как раса, класс и половая принадлежность²¹. Последние исследования в этом вопросе приходят к выводу, что «четвертое поколение теорий революции в значительной степени разрабатывает и модифицирует все ту же трехфакторную модель Скокпол, не отказавшись от нее, но расширив и уточнив состав каждого из факторов применительно к современным революционным ситуациям»²². Фактически, это «четвертое поколение» пытается соединить все, что уже наработано, и идет путем не выстраивания новых теорий, а отрицания некоторых существующих концепций и положений.

Следует обратить внимание, что любая систематизация должна производиться на основе однородных принципов – критериев одного уровня. В основе же рассматриваемой классификации все критерии (дефиниторы) находятся в разных плоскостях. Как можно сравнивать «исторический подход» исследователя с идеей модернизационных функций революции или основным принципом модели? Сравнить можно только сопоставимые категории. Например, тех, кто вкладывает в революции модернизационные функции и регрессивные, кто ставит во главу угла революций принцип роли государственных структур или организации демоса, тех, у кого исторический подход или математический (или любой другой), тех, кто пользуется структурно-функциональным анализом и тех, кто, например, отталкивается от формы, количества и силы и т.д.

При внимательном рассмотрении все определения «волн» («поколений») кажутся сублимацией и искусственным вычленением какого-то одного критерия. Более того, у всех этих «поколений» почти отсутствует методологическая разница. Она существует между марксистским и немарксистским подходом, но едва улавливается внутри указанных «поколений». Приведем два примера на основании одной из самых популярных работ в теории революции второй половины XX в. В качестве особенностей работы Скокпол выделяется сравнительно-исторический подход²³, однако, в той или иной степени этот подход свойственен всем авторам: все авторы черпают материалы из истории революций и все делают вывод на основании сравнительного анализа. Теда Скокпол ставит в упрек предшественникам субъективность подходов и требует абсолютной объективности²⁴. Однако это требование и стремление постулировалось в качестве основополагающих принципов исследования революции задолго до американского политолога. «Отношение к революции чрезвычайно субъективно, – писал в начале 20-х Питирим Сорокин. – Поэтому исследователь должен быть сугубо объективным. Абсолютно это не достижимо, но в меру сил должно быть выполнено»²⁵. Все, или почти все, авторы «теории революции» исходят из сравнительного исторического подхода; большинство исследователей стараются применять системный подход, многие анализируют структурные изменения, всех, в конце концов, интересуют ответы на одни и те же схожие вопросы, основные среди которых: что такое революция? почему они происходят? как протекают и к чему приводят?

Во многом суть подходов всего XX и начала XXI вв. сводится к разработке теории революции марксизма или к стремлению что-либо противопоставить этой теории. С первой стороны революции рассматриваются только в связи с изменением формаций, со второй – в революции попадают любые массовые радикальные формы протеста и госу-

²⁰ Там же. С. 103.

²¹ Foran J. Op. cit. P. 11-13; Фисун А.А. Указ. соч. С. 213.

²² Фисун А.А. Указ. соч. С. 220.

²³ Грязнова О.С. Теоретические подходы в социологии революции: сравнительный анализ концепций П. Сорокина, Л. Эдвардса и Т. Скокпол. Автореф. дисс. ... канд. социол. н. М., 2009. С. 23.

²⁴ Грязнова О.С. Теда Скокпол: феномен революции в структуралистской перспективе // Человек. Общество. Управление. 2007, №4. С. 25.

²⁵ Сорокин П.А. Социология революции. М., 2005. С. 33.

дарственные перевороты. Следует признать, что марксистский подход до сих пор остается более системным и целостным, что постоянно привлекает приверженцев, и многие его положения, так или иначе, заимствуются по сей день. «Марксистская теория общества, часто усовершенствованная до теории революции, остается одной из наиболее стимулирующих моделей для анализа революционных процессов преобразований» – вывод, к которому приходят многие исследователи²⁶. Марксистский подход – более системный, но грешит схематизмом. Три самых больших недостатка – это понимание революции как обязательного перехода между формациями, неизбежность пролетарской революции, которая должна привести к возникновению последней формации (высшей), экономический детерминизм. Недостатки всех оппонентов более многочисленны. Отсутствие четкого определения революции (что позволяет «протаскивать» в термин «революция» любой бунт, любой значимый социальный протест, обычный государственный переворот), причин возникновения, смешение причин революции и того, что стало «спусковым курком» – поводом для первых массовых выступлений²⁷.

Итак, историография теории революции пережила всплеск интереса в XIX в. (30-70-е гг.), четыре всплеска в XX в. (начало века, 20-30-е гг., 50-70-е, 90-е гг.), новый ренессанс наметился с началом XXI в. Эта историография за последние пятьдесят лет сформировала собственные стереотипы и устоявшиеся шаблоны. Первый такой шаблон связан с тем, что разбирать теорию революций традиционно начинают с авторов 30-х гг. – Л. Эдвардса и К. Бринтона, иногда упоминают о работе П. Сорокина²⁸. Безусловно, как самостоятельное направление «теория революции» начинается с этих трех фамилий, но само название, принципы и подходы – это продукт более векового исследования феномена революции. Второй шаблон связан с систематизацией исследовательских «поколений», предложенный Голдстоуном, который не только уязвим с точки зрения методологии, но и создает стереотипность восприятия всех предшествующих поколений, что, безусловно, обедняет историографию проблемы. Как мы убедились, историография теории революции пережила не «четыре поколения» и началась не в XX в., к этому следует добавить новое поколение исследователей XXI в., которое снова находится в методологических поисках.

Масса исследований и критика привели к тому, что вне зависимости от уязвимости многих формулировок и положений, которые пришли в XX век, и получили развитие в первой его трети, в последующем XX век внес мало нового. Большинство попыток создать нечто новое приводят к прежним положениям. Ситуация, которая сложилась с 80-х гг. XX в. можно классифицировать как методологический кризис: существующие методологии и методики исследований не удовлетворяют, новые не появляются. Дефицит новых разработок приводит к тому, что аналитические модели исследователей, одни и те же определения и схемы с небольшими модификациями кочуют из исследования в исследование.

Так называемое «первое поколение» XX в. стремилось сделать обобщение накопившегося материала и представить общую теоретическую картину революций, исходя из пройденного опыта. Между «вторым» и «третьим» поколением, по большому счету, не наблюдается существенных различий ни в подходах, ни в выводах. «Второе поколение» через три десятка лет после первого, «подогретое» и «взбудораженное» всплеском радикальных форм социального протеста своего времени (китайская и кубинская революции, студенческие волнения 60-х), достало с полком, уже успевшие запылиться, книги Эдвардса, Бринтона, Петти и Сорокина и попыталось дать собственные ответы на поставленные вопросы. Тот же процесс прошли и «третье», и «четвертое» поколение. Характерно, что все обзоры изучения проблемы у всех авторов, объединенных общими понятиями «теория революции» и «социология революции», начинаются с 20-х гг. XX в., а в большинстве выводов, новые исследователи модернизируют заключения предыдущих исследователей собственного столетия положениями, высказанными от Аристотеля до Маркса²⁹.

²⁶ Hobsbawm E.J. Revolution // Revolution in History. Cambridge University Press, 1986. P. 7.

²⁷ См.: Шульц Э.Э. Теория революции: Маркс и марксизм. С. 188-194; Шульц Э.Э. Причины возникновения радикальных форм социального протеста (историографический обзор) // Вестник МГУ. Серия «Политология». 2014. № 1. С. 40-51; Шульц Э.Э. Причины революций: голова или кошелек? // Историческая психология и социология истории. 2014. № 1. С. 102-119.

²⁸ См.: Шульц Э.Э. «Социология революции» П. Сорокина: истоки и влияние // Общество. Среда. Развитие. 2014. № 1 (30). С. 55-59.

²⁹ См.: Колобов О.А., Шульц Э.Э. «Арабская весна»: технологии «революций» // Полития. 2014. № 1 (72). С. 119-127; Шульц Э.Э. Никколо Макиавелли и складывание основ теории социального протеста // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «История. Политология. Экономика.

Одной из отличительных черт т.н. «четвертого поколения» является эклектизм – объединение различных точек зрения и положений «под одной крышей», сглаживая противоречия между их предпосылками и принципами. Сумма мнений в данном случае – это эклектичная картина, а не объективный подход, позволяющий приблизиться к пониманию проблемы. Подобную методику беспощадно критиковал Макс Вебер: «Самым же решительным образом следует бороться с довольно распространенным представлением, будто путь к научной “объективности” проходит через сопоставление различных оценок и установление как бы некоего “дипломатического” компромисса между ними»³⁰. Вторая отличительная черта – кризис жанра. События конца 80-х и всех 90-х умножили количество материала и данных для анализа, что еще больше расплыло внимание от структурообразующих основ понятия «революция». Похоже, что нарождающееся «пятое поколение» (если следовать систематизации сторонников 4-х поколений) начинает сталкиваться с теми же проблемами эклектизма и невозможностью «переварить» поток событий последнего десятилетия, связанного с цветными революциями: от «цветных» до «арабской весны».

Если подвести краткий итог современному состоянию теории революции, то на сегодняшний день нет единого, удовлетворяющего и принятого большинством, определения революции³¹. Ни одна концепция не дает ответ, почему революции характерны только для эпохи капитализма, и неизвестны до первых буржуазных революций. Нет согласия ни в вопросах причин, ни последствий революций³². Проблема типологизации (классификации) революций представляет одну из наиболее сложных в разработке теории революции, где господствуют две крайности: простое разделение революций на «западные» и «восточные» или выдвигание целого набора типов, видов и подвидов, которые страдают с методологической точки зрения и никак не вносят окончательную ясность в изучаемый предмет, кроме того, характерной чертой являются попытки модернизаций различных устоявшихся теорий и подходов и их реанимации³³. Новому поколению исследователей теории революции предстоит давать ответы на все те же вопросы и для того, чтобы разорвать движение по кругу одних и тех же идей и концепций, искать принципиально иные подходы.

THEORY OF REVOLUTION: TO HISTORY OF STUDYING, SYSTEMATIZATION AND A CURRENT STATE

E.E. SHULTS

The article presents a study of «theory of revolution». As opposed to traditional approach to start the study of «theory of revolution» from Edwards and Brinton in the 30-th, the author dates it on a century earlier and puts into use works of Thomas Bailey (1830), George Yeaman (1861) and Joseph Clark (1862). The author examines «waves» of interest to the subject in the 30-70 of the XIX century, at the beginning of the XX c., in 20-30-s, 60-80-s, 90-s of the XX c. and at the beginning of the XXI century. Principles of systematization and classification of historiography are observed in the article, paying special attention to Jack Goldstone's «four generation» conception. The analysis of up-to-date state of «theory of revolution» research and exploration is given in the conclusion.

Key words: Theory of revolution, sociology of revolution, 4 generation conception, P. Sorokin, L. Edwards, C. Brinton, S Huntington, T. Skocpol, J. Goldstone.

Информатика». 2014. № 1 (172), вып. 29. С 198-201; Шульц Э.Э. Политическая теория социального протеста от Аристотеля до Гоббса // Приволжский научный вестник. 2014. № 1. С. 118-124; Шульц Э.Э. Теория революции: Маркс и марксизм. С. 188-194.

³⁰ Вебер М. Смысл «свободы от оценки» в социологической и экономической науке // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 557.

³¹ См.: Шульц Э.Э. Революция: к вопросу об определении термина // Социологические исследования. 2014. № 2. С. 132-142.

³² См.: Шульц Э.Э. Причины возникновения...; Он же. Причины революций...

³³ См.: Шульц Э.Э. Типология революций: история создания и современное состояние // Человек. Общество. Управление. 2014. № 1. С. 65-83.